

In memoriam
A. Sprogis-Kasparson

ИРЕНЕ Н. ШЕБЕШТЬЕН (Будапешт)

И. БУДЕНЦ, А. СПРОГИС-КАСПАРСОН И КАНИНСКИЙ ДИАЛЕКТ ЮРАКО-САМОДИЙСКОГО (НЕНЕЦКОГО) ЯЗЫКА

Почему упоминаются здесь вместе И. Буденц и А. Спрогис-Каспарсон? Немец И. Буденц родился в 1836 г., латыш А. Спрогис — в 1887 г. и был еще ребенком, когда Буденц неожиданно скончался в Будапеште в 1892 г. Волею судьбы интерес молодого Буденца к венгерскому языку и молодого Спрогиса к самодийскому был пробужден тем фактом, что грамматическая система этих языков полностью отличается от системы индоевропейских. Жизненные пути ученых различны, однако Буденца и Спрогиса объединяет то, что оба они были одаренными людьми, способными мыслить аналитически, оба обладали отличным музыкальным слухом; они имели возможность изучать канинский диалект в исключительных условиях. Буденц, заложивший фундамент финно-угроведения в Венгрии, летом 1882 г. 12 раз проводил «полевые исследования» в будапештском зоопарке, где тогда «показывали канинских самоедов как этнографическое зрелище вместе с их оленями». Разработка Буденцем канинского материала свидетельствует о глубоких и удивительно тонких познаниях автора, а также о его таланте оригинально объяснять языковые явления; именно он положил начало и самоведению в Венгрии (J. Budenz, Adalék a jurák szamojed nyelv ismeretéhez. — NyK XXII 1890—1892, стр. 81—112; его же, Jurák szamojed szójegyzék. — Там же, стр. 321—270; сюда он включил и слова, записанные у самоедов на Урале).

Молодой Спрогис вошел в контакт с канинскими самоедами в 1912—1914 гг., находясь в ссылке. Он не имел языковедческой подготовки, но хорошо знал другие европейские языки (немецкий, английский, французский). Опираясь на свою способность проникать в суть явлений, организовывать и проводить в систему собранные данные, он без чьей-либо помощи систематизировал свои материалы по самодийскому языку.

В результате ряда счастливых случайностей неизвестная рукопись попала в Будапешт и задержалась там из-за начала первой мировой войны. Я познакомилась с работой в конце 40-х годов. И. Синнеи в свое время требовал от студентов знания фундаментальных работ Буденца, поэтому еще до разработки рукописи Спрогиса у меня был выписан на карточки и обработан канинский материал Буденца. (Грамматикой и словариком Кастрена пользовалась уже раньше.) При работе над материалом Спрогиса я применила метод Буденца, так как это давало мне возможность сравнивать не только лексические данные, но и грамматические заметки Спрогиса с соответствующими данными и объяснениями их Буденца. Не было причин сомневаться, что рукопись незнакомого автора содержит канинский материал. Тем более, что в песне Nes, записанной и опубликованной Т. Лехтисало (T. Lehti-

salo, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki 1947 (MSFOu XC)), т. е. в песне № 60, записанной на Канинском п-ове (Märchenhaftes Heldenlied, стр. 214—252) я обнаружила все языковые особенности, описанные Буденцем как канинские (там же, стр. 84 и комментарии), они же обнаружены мной в рукописи Спрогиса. Обработанная и опубликованная мной рукопись А. Спрогиса увидела свет в 1952 г. (A. Sprogis' Wörterverzeichnis und grammatikalische Aufzeichnungen aus der Kanin-Mundart des Jurak-Samojedischen. Bearbeitet und herausgegeben von Irene N.-Sebestyén. — ALHung. II, стр. 97—188). В предисловии изложены известные в то время сведения о рукописи. В 1956 г. появились две рецензии на нее. Объективный отзыв А. Й. Йоки был опубликован в «Orientalistische Literaturzeitung» 51 (стр. 204—207). Его критические замечания о некоторых лексических соответствиях, почерпнутых из моей работы, имели целью помочь исследователю при пользовании материалом. Рецензия Т. Лехтисало увидела свет в FUF XXXII Anz. (стр. 103—106): A. Sprogis' juraksamojedische Notizen. Хотя и с некоторыми исключениями его заметки о лексических соответствиях можно принять, однако запальчивый тон рецензии вызвал много толков. Если бы Лехтисало принял во внимание записанные и опубликованные Кастреном канинские песни, а также его канинский материал, наверно, его критика была бы несколько иной.

Издание рукописи А. Спрогиса вызвало интерес к личности неизвестного автора. После длительных поисков П. Аристе идентифицировал А. Спрогиса с А. Каспарсоном, проживавшим в Москве, и опубликовал в немецком переводе ответ А. Спрогиса-Каспарсона, написанный ему по-латышски и содержащий ценнейшие данные.¹

Поскольку мнение Лехтисало о том, что материал Спрогиса, хотя и содержит канинские слова, по сути представляет большеземельский говор, при исследовании личности неизвестного автора попало и в новейшую литературу (P. Hajdú, Who was A. Sprogis? — JSFOu 72 1973, стр. 95; P. Ariste, указ. раб., стр. 122), я сочла необходимым перечислить все канинские данные большого словаря Лехтисало, появившегося в год написания рецензии², и данные под знаком Sj., K, IM, MB из большеземельского говора соответствующих словарных статей для того, чтобы сопоставить их с материалами Буденца и Спрогиса, с данными под знаком Кап самодийского словника Кастрена, с языком песен, записанных Кастреном в декабре 1842 г. и в январе 1843 г., по всей вероятности, в Несе или Сёмзе, т. е. на Канинском п-ове, и изданных Лехтисало под номерами 11, 15—18.³ Позже, весной 1975 г. по моей просьбе автор сообщил мне сведения о месте и обстоятельствах работы и о личности своего «учителя».

В вышеупомянутой рецензии Лехтисало подчеркнул, что в г. Мезень, где он работал, жили только три самоеда: Микулай, говоривший по-коми и по-русски, а по-самодийски очень слабо, его толковая жена, владевшая большеземельским говором, и старая мать Микулая. По всей вероятности, предполагает Лехтисало, Спрогис делал свои записи от жены Микулая.⁴ Это предположение необоснованно. Первые месяцы своей ссылки в 1912 г. Спрогис провел в деревне южнее Мезени, в 100 км от города, и только позднее его перевели в Мезень, на правый берег р. Мезень, где тундра близко подходит к городу. В нескольких

¹ P. Ariste, Wer ist denn Sprogis? — СФУ X 1974, стр. 121—124.

² T. Lehtisalo, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki 1956 (LSFU XIII), словарь содержит около 1100 примеров-предложений со знаками Nes, Nes₂, Me. (перед словарными данными) и M.

³ Juraksamojedische Volksdichtung. Gesammelt von M. A. Castrén. Herausgegeben von T. Lehtisalo, Helsinki 1940 (MSFOu LXXXIII).

⁴ Там же, стр. 103.

километрах от г. Мезень Спрогис обнаружил чумы самоедов. Их жители, считавшие себя канинцами, даже летом не покидали свои чумы, рассчитанные на зиму. Спрогис установил постоянный дружеский контакт с жителями одного чума — с толковыми супругами. Муж и жена хорошо говорили по-русски и любезно принимали Спрогиса, интересовавшегося их языком. Они терпеливо отвечали на его вопросы. Спрогис часто посещал своих знакомых, иногда дважды в день. Муж и жена нередко обсуждали в его присутствии, как правильное ответить на вопрос. Естественно, Спрогис старался поддерживать дружбу с ними, приносил им подарки, а иногда и деньги. Если он замечал, что «учителя» устали, расспросы прекращались или менялась тема разговора. Когда Спрогис уже получил представление о языке, он попытался привлечь к работе двух-трех соседей для контроля. Но это не удалось. Самоеды, которых он приглашал иногда к себе в Мезень, не чувствовали себя там хорошо, не могли привыкнуть к обстановке комнаты и к незнакомому человеку. Таким образом, рукопись Спрогиса содержит данные, почерпнутые из речи канинских супругов. Когда Спрогис сопровождал А. Якоби в его этнографической поездке, у него не было ни времени ни возможности вести языковые записи. Не смог вести их он и во время своей поездки из Мезени на Урал.

«In Kanin kommt anlautendes *η* nicht vor, aber bei der Betrachtung des Wortschatzes (von Sprogis) bemerkt man, dass mit *η* anlautende Wörter ganz gewöhnlich sind». — подчеркнул Лехтисало в упомянутой рецензии (стр. 103).

В юракском, а также в ненецко-самодийском словнике Кастрена встречается 41 пример со знаком *Кап*, среди них четыре имеют *η*: *ηæceä* 'Väterchen', *ηateweä* 'Schuld', *ηateweš* 'schuldig sein', *ηowernam* 'heulen'. Приведем слова из статьи П. Хайду (P. Hajdú, Die sekundären anlautenden Nasale (*η*, *ñ*) im Samojedischen. — ALHungr. IV 1954, стр. 17—67) *Кап* рукоп.: *ηæceä* 'Väterchen' (стр. 30), *ηatsekih*, *ηatseki*, *ηateki* 'jung, Kind' (27). В записанных Кастреном канинских песнях тоже есть *η*: Послелог *ηansanganah* (локатив) четыре раза встречается в песне № 15: *siu ηansanganah* 'nach einer Woche' (295, на следующей странице еще три примера), ср. еще *ηjāram bo ηeäsonse* 'nach drei Jahren'. (В связи с этим послелогом ср. M. A. Castrén, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854, § 655, стр. 582. В ненецко-самодийском словнике — *ηēau* 'Seite, Richtung; Gegend'). Начальный *η* выступает и в другом послелого: *sobornoj ηellna* 'vor der Hauptkirche' (299). Начальный *η* встречается в канинском материале Буденца в нескольких случаях, главным образом в устойчивых сочетаниях: *harcinte ηi-ηāmdi* букв. 'он сел на зад' (87); *mañ súj-ηādera* 'отпусти меня обратно' (94); *vasakomda hāce āñi-ηāderāde* 'он опять посылает (своих людей) найти старика' (96); *hardu-ηorda* 'сами питаются' (104); *udi-ηēso* 'запястье' (325); *ja-ηiñla* 'под землю' (325). Деепричастно-инфинитивная форма связки у Буденца — *aš ~ ηaš ~ ηās*, а также *-š*: *jikoda aš jirime* 'быть (найденным) воротником шубы' (91); *paridieñe pūroj ηaš* 'была темная (черная) гроза' (96); *nūm-gorovaš* [*< gorova-aš*] *šidin-gānās* 'бог сотворил нас (двоих) коровой' (104); ср. Sjo *āñi* " *ōbaš* [*Goba-aš*] *šēdaηu*" 'dann nähle Fausthandschuh daraus' (JWb. 40a). В отрицательных конструкциях появляется основа связки *ηa*: *ñim-nā* букв. 'я не есть' (104); *ñiñiηa* 'non est' (103). Выступает *η* и в сложных словах и словосочетаниях в песне № 60, записанной Лехтисало: *šidñiñäē* 'zu zweien' (217); *ēšōiñešē ηajje* 'der Herbst kam' (223); *šjrrēiñešē* 'der Winter' (223); *māddō-δō ηqđi*" 'die Zelte sind sichtbar' (223, 238, 241);

ēššī ḡa fšēkki³, tā³ ūññā ḡadw³! 'Burschen des Lagers, stehet auf!' (230, 231); tiē ḡēñw 'mit Renntierfüssen' (239, 242).

В словаре Лехтисало η- встречается более чем в 20 словах: M-ḡvī-teñne pēā 'eine riechende Weidenart' (JWb. 11b); ср. jittenḡvīññā³ 'Meer' (= 'sein Wasser ist riechend' (124b); ḡār, ḡšo ḡdāz 'Moosbeere' (306a); Sjo. ḡomḡš 'sich zu einem vereinigen, sich zusammenmischen' (38b); dwtñ ḡadārītāš tarā³ 'man muss sie zusammenschieben' (12b); tarēm ḡāēš tarā³ 'so soll es sein' (25b; ср. и tarēm ḡāēdakkī 'so ist es wohl'); tiē jāzam ḡōḡppi 'das Renntier schwimmt über den Fluss' (36b; ср. и jāzam ḡōittām³ 'ich schwimme über den Fluss'); amḡēḡḡam ḡōrt-takkī 'er dürfte etwas fressen' (55a); pḡrideñne ḡōden ḡalppāz 'Krähenbeerenstengel' (151a; ср. tižermā ḡōdem bāñ³ 'Rauschbeerstrauch', 341b); ḡāñ ḡāē 'Schlittenstrebe, -ständer' (155b, ср. N ḡāññi, там же; marai ḡum³ 'das marai-Gras' (243a; ср. ḡāru³ mḡēi ḡum³ 'ein langes Gras' (305b); ḡāllem ḡōrmā³ 'Fische essen' (311b); pōi ḡūtō³ 'niedriger Lastschlitten' (356a) и т. д. Таким образом, начальный η- в канинском материале Лехтисало встречается не только в словосочетаниях. Лехтисало пишет: «Die Herausgeberin hat in irreführender Weise das Zeichen ḡ des Manuskripts in γ verwandelt, obwohl es sich um den Konsonanten χ handelt. So muss also statt γ ein χ gelesen werden z. B. in den Wörtern ḡāḡa 'Götze', ḡānambi 'Donner' (Bedeutung falsch, muss heissen es donnert), ḡeḡedoi 'eigensinnig', ḡoptolya 'gleich, ähnlich' . . . Sonst sind die auf h und die auf χ anlautenden Wörter in verschiedene Gruppen aufgeteilt; obwohl sie, also wie die auf h anlautenden Wörter auf χ anlautende sind, und also zur gleichen Gruppe gehören» (104).

В предисловии к канинским текстам Буденц писал: «Вместо первоначального начального k в юракском языке уже обычен h, о чем свидетельствуют слова, взятые из русского . . . , и остальные самодийские языки В канинском диалекте (Каникова), действительно, отдельно произносимое слово начинается только с h, но если оно более тесно соприкасается с предыдущим словом, как бы опираясь на него, вместо h появляется оригинальный эксплозивный звук в форме g. Нужно только здесь отметить, что условие более тесного соприкосновения во многом зависит от говорящего, так что в одинаковых случаях я иногда должен был записать слово и с h и с g, например, ḡāḡvin harua (-garua) 'они хотят идти'; puedaran-gaije (haije); pirdari-ḡāñ, но hañ pirdari и т. д.» (84). В текстах и словнике Буденца наряду с h встречается χ: ḡasava ~ ḡasava 'человек, мужчина' (329); ḡajar ~ ḡajar 'солнце' (328); ḡet 'кровь'; ḡiño ~ χiño- 'петь' (332). В юрако-самодийском и ненецко-самодийском словнике Кастрена тоже встречаются слова с начальным χ из канинского и других говоров: Kap. ḡara 'Schuld', ḡarad 'Haus' (ср. 'Blut', 'blutlos', 'mit Blut beschmieren', 'singen', 'Wespe').

В канинских песнях, записанных Кастреном, сохранился оригинальный k-, но наряду с ним встречаются g- и h-: nisjan hoam'ah | tinsikom koam'ah 'den Lasso meines Vaters | ging ich holen' (270); sidna kāna ah! 'führe uns!' (270) mālan kādaijen 'ich tötete alle' (273); siuin ḡādangun! 'mich tötetest du' (273); manji kāmjin(ah) 'wir liessen uns herab' (295); manj ḡōnajin(ih) 'wir legten uns schlafen' (301); njärtson goim ḡōningau'ah 'den Bärenmoosrücken fanden wir' (302). (В некоторых случаях чередование k- ~ g- ~ h- наблюдается и у Спрогиса: ḡōr 'Eimer':

hūsin-kōr ~ *husin-γor* 'Knettrog, Backtrog', ср. *husä* 'Teig'). В текстах Буденца часты примеры на начальный *g*:- *gañ* 'иди' (96), ср. *pirdari-gañ!* 'ты иди!' (96), *puedaran-gaije* 'они пошли в лес' (103); *tasi-gāmij* 'спустился' (85); *haŋou-gādavan* (~ *hādaver*) 'ты убил моего журавля' (90); *tu-gauhana* 'возле костра' (103) и т. д. Ср. также *χajel*, *gajel* 'слезы'.

Особого внимания заслуживает тот факт, что встречаемость чередования *χ*- ~ *-γ*- довольно велика и в канинской песне № 60, записанной Лехтисало: *mūd mātη γajje* 'ging die Karavane gänzlich' (219); *pūññāη γāñ*^Э! 'gehe zurück!' (240, 243); *jā.βη γēēβm mādaðo*^Э 'über das Ufer des Flusses gingen sie' (223, 231); *āñim birdarīη γa*^Э 'mē'^Э 'wieder zurück liess er sich herab' (246); *mā.tη γādāidi*^Э 'alle töteten sie' (252); *tōr.ī.ŋēη γāēββan*^Э 'neben dem Hügel' (251). В словаре Лехтисало я нашла около 20 примеров: *jā.βη γēβ* 'Flussufer' (249a; ср. 96b); Sjo. *ōbaη γēβ*^Э 'in einemfort' (364b); *tūη γēββan*^Э 'an das Feuer' (144a); *hākkāη γōbv* 'Seehundsfell' (294b); *maχan nāñ γar.ī.ŋajjīβ*^Э 'ich fiel auf den Rücken' (298b); *šāitv pi.drāβη γāēββi* 'sein Gesicht ist «wie die Nacht» geworden' (317a) и т. д. Наверно, критикуя, в отмеченных словах у Спрогиса было бы целесообразнее обозначать начальный звук буквой *g*, как у Буденца, ведь Буденц и Спрогис, действительно, удивительно одинаково слышали и записывали (конечно, каждый своим способом) канинские звуки. Я все же приняла обозначения — в определенных позициях — звука **k* знаком *γ* из канинской песни № 60, записанной Лехтисало. Спрогис не имел фонетической подготовки, но отлично знал, что в сочетании *jahan-geu* 'Flussufer' *geu* тождественно, слову *heu*, которое встречается в выражении *hared-heu-dā* 'бок дома', т. е. 'стена дома'. У Буденца в *gañ!* 'иди!' начальный *g* выступает в функции фонемы, в той же функции в языке «учителей» Спрогиса — канинских супругов — выступает начальный звук, обозначенный *γ* в приветствии *γan'dorowo* или *γārā* 'Götze, Götzenbild' либо в первой части сочетания *γāγā-ma* 'Kirche', а также в других словах. У Спрогиса *-γ*- встречается и внутри слова не только в *ηoptolya* 'gleich, ähnlich', но и в других словах, например: *maγñi* 'recht, rechts'; (Б⁵ *mahañi* (369)), *toγočo* 'Gewohnheit, Angewohnheit' (Б *tohoda*- 'lernen' (355), К *tohoda*- 'sich gewöhnen, lernen').

Приведенные в предисловии к рукописи Спрогиса наблюдения финского геолога У. Рамсея (1905 г.), свидетельствуют о том, что язык канинских самоедов, живших небольшими группами в определенной мере изолированно друг от друга, не может быть единым: наряду с сохранившимися архаизмами (например *k*-) возможны новые явления, а распространение *η* уже само по себе объясняется тем, что канинские жители зимой легко добирались до Архангельска, в языке же архангельских самоедов, по крайней мере согласно данным Лехтисало, нет начальных гласных, а всеобщим стал начальный *η*-. Отметим еще, что эксплозивный начальный *k*- обнаруживается и в некоторых канинских данных Лехтисало: Sjo. *tēββak kādārāñnākki*, *šarmiⁿ γ^o dēββak kādāñ-nākki* 'unser Renntier getötet haben' (55a).

Возникает вопрос, встречаются ли в материалах Буденца и Спрогиса звуковые особенности, хотя и свойственные другим говорам, все же признанные в первую очередь канинскими; например, *-β*- и **-k*- внутри

⁵ Б — Буденц, К — Кастрен, С — Спрогис.

слова, редукция и полная утрата носовых: С *taorc* 'Handtuch' ~ М *tāḅḅōrḱḱḱ*^ʷ ~ Sjo. *tāḅḅōrḱḱḱe^hḡāñnw* 'mit dem Handtuch' (JWb. 468b); С *ḡēwo* 'Kopf' ~ *ḡēoko* dem.; Е *lahanā* ~ *lāna* (103) ~ С *lahanaś* 'sprechen' ~ Sjo. *lānaś* (JWb. 215a); Б *fulgāde* 'вынимает' (90); С *fuχulc* 'ausnehmen, ausziehen', Б *jiega* 'Schritt' (337) ~ С *jēnga* ~ N *jīēḡḡw* (113a); Б *huka* (*hukāu*) (333) 'горло' ~ Sjo. *χunḡō* 'Luftröhre' (JWb. 204a); Б *pōga* 'сетью' (305) ~ С *pongä*; ср. Sjo. *tīzēm* 'mein Lasso' (JWb. 196b) ~ *tīnzēm* (JWb. 474a).

В некоторых случаях в материалах Буденца и Спрогиса сохранен *-t-* внутри слова, который в тундровых говорах обычно заменяется гортанным: С *tūte* 'Fett, Speck', *tūt-sewoi* 'fett, fettig' (Nj. *tūt* 'Talg, Fett', JWb. 496a); С *ḡud* 'Spur' ~ Б *u* 'дорога' (327); (латив) *udn* (85) ~ (Nj. *ḡut*, JWb. 41b); Б *jid*, *ji* (339) ~ С *ji* 'Wasser' (Nj. *β'it*, JWb. 123a).

Спрогис не обозначал гортанный звук внутри слова, Буденц тоже делал это не во всех случаях: *mana'āde* 'видит' (95); *tuju'o-*, *tiju'a-* 'молить, склоняться в молитве' (355), но *hāmij* ~ *gāmij* 'спустился с дерева' (85, 87); ср. Sjo. *jīn χā'mi* 'es kam mir in dem Sinn' (JWb. 168a).

Данные об утрате гортанного внутри слова имеются и у Лехтисало (JWb.): М *šwβ* 'mich' (112b) ~ N *šw''ū*, Sjo. *šw''zβ* (442b). Словник Буденца содержит убедительные свидетельства вторичной палатализации некоторых согласных: Б *ñero*, *ñiero*, *ñieru* 'Weide' (348) ~ С *ñer-kä* ~ Б *ñierka*, *ñierku* ~ N *ñierò* (JWb. 315a); Б *siadaĵ* 'Götze' (359) ~ С *šādei* ~ N *šāḁḁēi* 'hölzerne Geisterfigur' (JWb. 431b); Б *tieva-* (354) 'treffen' ~ С *tēbes* (Kis. *tšēpēš*, JWb. 507b).

Очень краткий элемент *i* дифтонга первого слова слился с начальным согласным. Краткий гласный первого и второго слогов может выпадать: Б *χuñāna* 'где' (87) ~ С *χñā* 'wohin', *χñan*, *χñāna* 'wo', *χñat* (-d) 'woher, von wo'; Б *hīnoc* 'Lied'; *χīno-*, *hīno-* 'singen' (332) ~ С *ḡnīpc*; *ḡnoś*; Б *tādībe* 'Zauberer' (351) ~ С *tadbā-hib^heri*, ср. N *tādīβ'āz* (JWb. 477b).

Во многих случаях гласному *ē* первого слога в записях Спрогиса соответствует у Буденца и в некоторых лесных говорах дифтонг: С *jēpi* 'heiss, hitzig' ~ Б *jieppi* (*jiepi*) (338) ~ N *jīēppi* (Kis. *jīē'pēš* 'heiss sein', JWb. 113b); С *jērjmoś*, *jērmbes* 'bewachen' ~ Б *jiere-* (338) ~ Sjo. *jīērāmbaš* (Kis. *β'īērāš*, JWb. 114a); С *sēnges* 'übernachten' ~ Б *siega-* (358) (Kis. *šīēḡkaš*, JWb. 440a). Ср. С *seij* 'Herz' ~ Б *siej* (358) (Nj. *šēj*, Kis. *šīēj*, JWb. 433b).

Во многих двусложных словах у Спрогиса появляется конечный *-ā*, которому в лесных говорах и местами в канинских данных Лехтисало соответствует дифтонг: *ḡodā* 'Beere' ~ N *ōde^h* (Nj. *ḡō.ḡšēḡ*, JWb. 41a); С *labā* 'Ruder' ~ Б *labie* (374) (S Nj. *raḡḡḡḡ*, JWb. 219a); С *mērčā* 'Wind' ~ Б *mierte* (371) ~ N *mēr tšāz* (Nj. *mīēr-ššēḡ*, JWb. 271b); С *narā* 'Lanze, Pike' ~ Б *narea* (360) ~ N *naḡ^he^A* (Nj. *naḡḡḡḡ*, JWb. 281a). Следовало бы обстоятельнее объяснить происхождение определенных вторичных гласных, встречающихся в первом слоге: С *lēk* 'faul' ~ Б *lāk* (374); С *lētau* 'dick' ~ Б *lātto*, *luāto*, *ljetto* (370); С *mid* 'Leber' ~ Б *mued* (373); С *māro* 'Papier' ~ Б *meäre*: *m. pader* 'книга' (362) и т. д.

Если рассмотреть материалы Буденца и Спрогиса с точки зрения морфологических элементов, выяснится, что *-na* имеет следующие варианты: Б *-ne*, С *-nä*, Б *puedarāna* 'в лесу' (90); *ñieboj puene* 'в прошлом году' (349); С *jāna* (*ja* 'Erde'); *markana, markinā* (*mar* 'Stadt', 154). У Буденца, а также у Лехтисало имеются примеры на творительный падеж (предложного происхождения): Б *vuasako pōgana hādabj* 'старик ловил сетью' (94); *harta ji-ukjina* 'своим советом', досл. 'путем ума' (91); Sjo. *þe''lāβtšköñnaw* 'mit der flachen Hand' (JWb. 158). Инструктив у Буденца выражается именем с суффиксом *-mboi, -poi*, у Спрогиса — *-mboi, -saoi*: Б *puijimboi* 'носом' (90); *ñero-poi* 'прутом' (103); С *tupkomboi* 'mit dem Beile', *tupkusaoi* то же (*tupko* 'Beil', 154); ср. Sjo. *tiβmbōi''* 'mit Panseninhalt' (JWb. 125a); *χarsaββaei''* 'mit dem Messer' (407a).

Имеется два примера на абессив с суффиксом *-tta* у Лехтисало: Sjo. *χarraitte jāññōv''* ... 'wenn du kein Messer hast...' (JWb. 399b); *ñeññäeittv* 'ausser dem Geld' (401a).

Латив послелога с основой на *-ñe, -ñi* появляется в полной (и не сокращенной) форме и у Буденца и у Спрогиса: Б *pea-ñen* 'на дерево' (85, 103); С *þā-ñin* Т. Микола (Т. Mikola, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen), Budapest 1973, стр. 112—114) рассматривает формы послелога *jir-*. Этот адвербальный послелог, сравнительно редкий, обнаруживается и у Спрогиса: *jirñan* 'vor, gegenüber, im Gegenteil'; *jirsu* 'neben, nebenbei'; *jirt* 'gerade, richtig, wirklich, Wahrheit'. Буденц назвал его именем: *pili jirde lahana* 'говорит всегда правду (прямое)' (112).

У Спрогиса некоторые наречия, выступающие в функции послелога, употребляются как бы в роли приставок: *heuña* 'auf die Seite, fort', *pñña* 'zurück', *šurfo* 'um, rund, herum', *tasiña* 'unten, nach unten, hinab, herunter'. Во многих выражениях отрицательная глагольная основа *ñi-* соответствует по содержанию нем. *un-*: *ñi-ñamnili* 'unschmackhaft'; *ñi-hol-kabei* 'unreif'; *ñi-jirt* 'unrichtig, falsch; Unwahrheit'.

Мы встречаемся в словнике Спрогиса и с редкими суффиксами: *jēnapé* 'Hoffnung', *jōninapé* 'Spas, Scherzen'; *judipé* 'Traum' (Б *judopé* id., 341); *pisipco* 'Wander'; *sādkopé* 'Peutsche'. Сложный суффикс *-lowo* обнаружен три раза: *ñēñzi-lowo* 'Eisbahn', *þingelowo* 'Schaukel', *šurtlowo* 'Grab'.

Сопоставив канинские данные словаря Лехтисало с соответствиями из большеземельского говора и стремясь полнее охватить материал, я нашла около 20 имен, которые, не считая незначительных различий, одинаковы в обоих говорах: Sj. *jēde* 'Krankheit, Leiden', N *jēder* 'deine Krankheit'; Б *jedie* 'болен' (337), С *jēde* 'krank'. К этой группе можно отнести и слова, которые различаются только наличием или отсутствием начального *η*: Sj. *ñāj* 'Tauwetter (im Winter)' ~ Sjo. *āj* (14b).

Имеется, однако, формальный признак, который резко отличает канинский говор от большеземельского и в словаре Лехтисало: в последнем двусложный деепричастный инфинитив всегда отождествляется с глагольным корнем аориста с суффиксом **-je(i)* (формой 3-го лица единственного числа канинского говора), тогда как в канинском говоре все двусложные формы деепричастного инфинитива содержат суффикс *-š*, а основы на согласные *-l, -r, -t*, а также одночленные корни, как и в других тундровых говорах, содержат суффикс *-tš*.

Согласно этому в парадигмах спряжения Спрогиса инфинитив без исключения имеет суффикс *-š* или *-č, -ž*, у Буденца — суффикс *-š*:

jādaś 'ходить пешком' (335), *lādirpoś* 'бить' (87), *tuhubaś* 'нюхать' (85). Словарь Лехтисало составлен на материале обдорского диалекта, в нем приводится мало деепричастных инфинитивов из других говоров, но все же есть возможность сравнить данные большеземельского говора с канинскими: Sj. *ñǎǎdǎ* 'loslassen' ~ Sjo. *ǎǎdǎś* (26a); Sj. *χā''mǎ* 'hinab-, herabsteigen' ~ Sjo. *χā''mǎś* (167b); Sj. *şǎbbǎ* 'packen, stampfen' ~ Sjo. *şǎbbǎś* (398b, 399a). (В обдорском диалекте исключение составляет пара *χōtkkǎ* ~ *χōtkkǎś* 'tauen, schmelzen, weich reifen', JWb. 190a).

У Буденца и Лехтисало деепричастный инфинитив является более полным в связи с глаголами *jāma-* 'nicht können' и *tārā* 'es ist nötig', имеет форму, содержащую и гласный: Б. *jurkaši jāmi* 'не мог встать' (87), *atesi jāmade* 'не мог дожидаться' (97); Sjo. *mañ mađǎše-jǎm''mǎβ* 'ich kann es nicht durchschneiden' (JWb. 188a); *tim''* *χabar.ţşe-dārǎ*³ 'man muss das Renntier schinden' (158b).

Спрогис составил 82 парадигмы спряжений (не считая неполные). Кроме малочисленных императивов, парадигмы содержат индикативы. Приводит он отрицательные и вопросительные спряжения некоторых глаголов (Negative-, Frage-Form). Личные окончания присоединяются к глагольным основам, формы единственного и множественного числа часто тождественны именной основе. Имеется несколько примеров на основу аориста с суффиксом *-j* (*-i*). В некоторых случаях суффикс (часто и другие именные суффиксы) присоединяется к односложной согласной основе: *jile* (< **jil* + *jε*) 'leben, wohnen', *male-* 'endigen, beendigen', *ñārja-* 'erröten, sich röten'; *ñele-* 'sich heiraten, heiraten'. В других случаях суффикс *i* сливается с конечным гласным двусложной основы и в результате вторичного сокращения появляются формы *jāda-* (< *jāda* + *i*) 'zu Fuss gehen', *jūde-* 'träumen', *pina-* 'fürchten', *sālda-* 'zahlen, bezahlen', *sīje-* 'lügen', а также вторичные (согласная основа + суффикс *-ma*): *jāma-* 'nicht können' (Sjo. *jǎ''mǎ* 'ist krank', JWb. 97a); *ñāma-* 'halten, nehmen' (N *ñā''mā-*, JWb. 296b).

Во многих глагольных основах встречается суффикс *-mbi-*: *jiutembi-* 'leimen, kleben', *lamdami-* 'leiden, erdulden', *sāldambi-* 'zahlen, bezahlen'; аналогично у Буденца и Лехтисало: Б *sapkambi-* 'вскапывать' (103); *puembi-* 'вложить (в грудь)' (104); Sjo. *maχǎβ-bittambim''*³ 'ich wärme meinen Rücken am Feuer' (JWb. 389a); *ñǎñ.ţşām''* *mañ jǎrǎmbiβ* 'ich bewache den Mann' (114b). Глагольный суффикс *-pi-* тоже часто встречается в парадигмах: *ñēрпи-* 'trinken', *χētbi-* 'erzählen', *padbi-* 'schreiben'. У Буденца также: *mipim* (104); *hādabi-* 'ловил рыбу' (94); *majbim*, *majibim* 'я рад' (369) и т. д.; Sjo. *ñǎǎppǎdov* 'er schlingt es hinunter' (JWb. 303a). Сложный суффикс *-ny-*, *-nye-* обычно присоединяется к основам, содержащим и суффикс *r* (l): *haudornya-* 'sich schlagen, sich reißen, sich zanken', *mirnye-* 'machen, tun', *wahalny-* 'sagen, sprechen', *jedinya-* 'tanzen' и т. д.; ср. Б *sārda hāmerga* 'дождь идет' (357); Sjo. *şīndarǎ''nyǎ* 'er duselt' (JWb. 446b).

Прошедшее II у Буденца и Спрогиса уже потеряло оригинальное значение кондиционалиса, которое еще сохраняется в традиционных текстах (ср. I. N.-Sebestyén, указ. раб., стр. 194—200), и употребляется в функции нарративного претерита: Б *mañ śidajñ tuenaś, maserǎnaś, peǎdab ñāññ teumbinaś, ūm teumbinaś* 'ты нас кормил, для нас ра-

ботал, носил дрова для себя, носил траву' (104). Но сохранилось оригинальное значение кондиционалиса у Спрогиса, например, в определенных вопросительных формах глагола 'trinken' 'пить'): 1 л. ед. ч. $\eta\bar{e}r|tsi'dam\ mañ?$, 2 л. ед. ч. $\eta\bar{e}r|sildan\ pid\bar{i}r?$ Также у Буденца: $t\bar{o}\ s\bar{i}|\nu u?$ 'ты приходил ли?' (103); $hu\bar{h}\bar{a}na\ muals\bar{i}n?$ 'где ты был?' (104); ср. фин. $men|isi|k\bar{o}$? 'ты пошел бы?' В соответствии с юракским употреблением у Спрогиса в вопросах появляются суффиксы, выражающие сомнение, неуверенность, так и в вопросительных формах 3 л. ед. ч. глагола $\eta\bar{e}r:\eta\bar{e}r|n\bar{i}|ne|p|ta|n|pid\bar{a}?$ (Наличие многочисленных суффиксов — своеобразие юракского языка). Ср. еще вопросительные формы глаголов 'leben', 'sprechen', 'schneiden', 'wissen', 'verstehen'.

Будущее по сути дела отличается от аориста уже и в традиционных текстах. Формы $*-ta$, $*(n)ku-$ Буденц всегда приводит как будущее или настоящее: $mañ\ teamdagu$ 'я дам в залог' (94), $saua\ num\ \bar{a}gu, hu\bar{h}\bar{a}\ mañ\ t\bar{u}dam$ 'хорошая погода (если) будет, завтра приду' (112). В парадигмах Спрогиса при употреблении суффиксов $-ta-$ и $-(n)\gamma u-$ обнаруживается определенная закономерность: суффикс $-ta-$ присоединяется к основам, оканчивающимся на r, l : $\eta\bar{e}rtam, mirtam, haudortam, wahal-tam$ и т. д. (приблизительно в 20 парадигмах). Остальные глагольные основы имеют будущее с суффиксом $-(n)\gamma u-$. В отрицательных конструкциях и у Буденца и у Спрогиса главный глагол получает суффиксы $-t$ (потерявший свой конечный элемент) и $-gu$: С $\eta\bar{i}m\ nert$ 'trinken'; $\eta\bar{i}u\ madeg\bar{u}$ 'schneiden'; Б $\eta\bar{i}u\ t\bar{a}gu$ 'я не дам' (112); $mañ\ \eta\bar{i}m\ sauligu$ 'я не буду богатым' (112). В главном времени отрицательного спряжения тоже появляется суффикс $-k$, который по объяснению Буденца, одинаков с суффиксом $-ku$ (ср. М. А. Castrén, Grammatik... , § 478): $\eta\bar{i}u\ u\bar{d}n\ tanak!$ 'не отправляйся в дорогу' (85). Представляется интересным тот факт, что у Буденца в эффективных предложениях главный глагол получает личное окончание и предшествует отрицательной глагольной основе: $meharald\bar{i}\ \eta\bar{i}$ 'не дышит' (90); $puhu\bar{c}ea\ s\bar{i}lalde\ \eta\bar{i}$ 'женщина даже не смотрит на него' (96).

Поскольку личные окончания 1 и 2 л. ед. и мн. ч. подробно рассматриваются в отдельной статье, здесь отмечу только, что личное окончание 1 л. ед. ч. у Спрогиса и у Буденца получает форму $-u$, 1 л. мн. ч. — ωo . Окончание 2 л. ед. ч. в парадигмах Спрогиса встречается относительно редко, у Буденца же присоединяется чаще всего к существительным в детерминирующей функции. Вариант 2 л. ед. ч. $-l, -l^v$ наблюдается у Лехтисало; Sjo. $\eta\bar{i}mb\bar{i}-\bar{i}t\bar{a}t$ 'dein Hemd' (JWb. 353b); $\eta\bar{i}\bar{a}, -l^v$ 'das [dein] Gesicht' (468b). В парадигмах Спрогиса в формах 1 л. ед. ч. второго времени появляются и окончания $-monz$ и $-o\acute{s}$. Окончание $-mon\bar{z}$ тождественно деепричастию на $-man\acute{s}$ (ср. I. N.-Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII 1970, стр. 205, ссылка 208), значит, в нем нет элемента, указывающего на лицо. Также у Лехтисало: Sjo. $\eta\bar{i}j\bar{u}w\bar{i}t\bar{a}m\bar{m}\bar{a}n\bar{z}\bar{e}$ 'ich war im Begriff (es) einzuholen' (JWb. 365a); $\eta\bar{i}k\bar{k}an''\ ma\eta\bar{s}t\bar{e}m\bar{m}\bar{a}n\bar{z}$ 'ich habe sie hierher gelegt' (446a). Окончание $-o\acute{s}$, по всей вероятности, возводится к деепричастию на $-ban\acute{s}$ (утрата β и n , веляризация a , как в окончании $-mon\bar{z}$); ср. Sjo. $\eta\bar{i}j\bar{u}w\bar{i}t\bar{a}m\bar{m}\bar{a}n\bar{z}\bar{e}$ 'ich hob die Tonne in seinen Schlitten' (JWb. 126b).

В текстах Буденца встречается много сказуемых с суффиксами $*-je$, $-i$ 3 л. ед. ч.: $h\bar{a}uidem\ mana'aj, \eta\bar{a}ju\ pea-\eta en\ tanaj, ta\eta an\ ligaraj\ \eta\bar{a}j\ \eta an\ m\bar{a}naj$ 'Увидев медведя [он увидел медведя], один влез на дерево,

там спрятался. Другой упал на землю' (85). Такой пример в парадигмах Спрогиса встречается только один раз: 3 л. ед. ч. *wirnai* ~ 3 л. мн. ч. *wirnaiä* 'sich rühren'; ср. еще *načeki pāhin tanei* 'der Knabe kletterte auf den Baum'. Данные Лехтисало: Sjo. *mañn^aItaj^u* 'er fiel' (JWb. 247b), *ja^uvtōβ tū^u* 'meine Ganz flog' (515b); ср. 3 л. мн. ч. *pěä* 'β ≈ *ēbv^u* *pudorāljed^u* 'die Blätter der Bäume begannen abzufallen' (370a); *pidē pāēššēmtaljed^u* 'die Nächte fingen an dunkel zu werden' (353a).

Эти непереходные глаголы с притяжательными личными окончаниями удивительно близки определенным сказуемым прозаического текста № 50, записанного из лесного говора Ni. У Буденца гортанный звук, заменяющий притяжательное личное окончание 3 л. ед. ч., утратился. Буденц заметил, что «-da K[астрена] 3 л. ед. ч. в языке Каникова уже больше всего переходит в -de» (102); *ajede* 'его тело' (91), *siece^u* 'бьющая сталь огня' (103); *hāmbāde* 'его волна, его волны' (95) ~ *sañeta* 'его хвост' (87); *hāleda* 'рыба' (94); *tuōhemda* 'лисицу' (87); *pōgomda* 'его сеть' (94); *pōganda* 'в сеть' (94) и т. д. В 3 л. ед. ч. переходных сказуемых у Буденца появляется притяжательное окончание -de: *ma^unaāde* 'видит' (87); *tōndāde* 'перекрыл' (90); *hālāde* 'зовет' (96) и т. д. У Спрогиса имена и переходные сказуемые без исключений получают личное окончание -dä: *nādä* 'sein Bruder', *sujudä* 'sein Rentierkalb', *jējdä* 'sein Teil' (156); *xētbidä* 'erzählen'; *sāldambidä* 'zahlen, bezahlen'. Притяжательное личное окончание 3 л. ед. ч. -de ~ -dä пришло на смену притяжательному личному окончанию ур. *-se (из прасамодийского *-te ~ *-te). У Спрогиса притяжательное личное окончание 3 л. мн. ч. -do выступает не только в переходных, но и в непереходных глаголах и служит доказательством того, что основа инфинитива получает притяжательные именные окончания в функции помен actionis (acti).

Очень интересны формы будущего III имен, образованные при помощи спряжения; у Спрогиса: 1 л. ед. ч. *načeki^uye^unyum*, 2 л. ед. ч. *načeki^uye^unyun*, 3 л. ед. ч. *načeki^uye^unyū* и т. д. (*načeki* 'jung, Kind'). Эти сложные формы возникли при соединении имени с определенной формой связки будущего времени: *ye^unyum* > *ñe^unyum*. У Буденца форма деепричастного инфинитива связки *ñās* имеет и вариант *geš*: *ñeñce geš haijā* 'стали (пошли) человеком' (104); *jasnoj geš hānagu* 'принесу на радость' (103). (Буденц в одном из комментариев отметил: «Канинская форма глагола 'tun' будет (вследствие замены η : g) *pārηa-* или *pārga-* или *vārηa-*, *vārga*» (101)). Чередование η < γ мы встречаем у Спрогиса в двух местоимениях: *san-γok* 'wie viele; wie viel' ~ Б *sean oka*, *seanok*, К. *sean ñōka*; С *tāηgok* 'so viel', ср. К U *tañ_ñōk* (JWb. 457b).

Упомянутые парадигмы Спрогиса позволяют сделать вывод, что формы имен, образованных с помощью глагольного спряжения, представляют собой затемненные комбинации имени и определенной формы связки; так объясняет форму этих имен и Буденц: *hārdaś* = *hārda* 'дом' и -aś, которое является формой деепричастного инфинитива на -ś глагола 'esse'; *h. adimi*, т. е. 'виден будучи домом; виден дом', в этой связи -aś выражает и транслатив, например: *horovaś haije* 'стала короной' (т. е. *vacca esse abiit* = *in vaccam abiit*)» (101), ср. *jeru gabedñeś*: -s = aś там же, где *jeru* 'господин'; *gabedñe*, *habedñe* 'жена'.

С точки зрения этимологических и семантических исследований интересно, что в довольно маленьком по объему словнике Спрогиса встречается более 200 слов (производных и сложных), которые отсутствуют в большом словаре Лехтисало; те же слова встречаются у Буденца.

Имена И. Буденца и А. Спрогиса вошли в историю самоедологии. Их творчество имеет значение не только для истории науки. Своими

ценнейшими записями, соответствующими основному принципу диалектологического исследования (L. Benkő, Die Bedeutung der Synchronie für die sprachgeschichtliche Forschung. — UAJb. 44 1972, стр. 159) они заложили основу важных для всего исторического языкознания канинских диалектологических исследований.

IRENE N.-SEBESTYÉN (Budapest)

J. BUDENZ, A. SPROGIS-KASPARSON UND DIE KANIN-MUNDART DES JURAK-SAMOJEDISCHEN (NENZISCHEN)

Die Beobachtung, daß das Ungarische, bzw. der Kanin-Dialekt des Jurak-Samojedischen (des Nenzischen) sich in Hinsicht des grammatischen Systems von den indo-europäischen Sprachen vollkommen unterscheidet, veranlaßte den Deutschen J. Budenz (1836—1892) und den Letten A. Sprogis (1887—1975), später A. Kasparson genannt, zum Studium dieser Sprachen. Das nach Budapest hingekommene Manuskript von Sprogis wurde von der Verfasserin — die bei der Bearbeitung des Manuskripts die von Budenz auf sein Kaniner Material angewandte Methode befolgte — bearbeitet und im II. Band der ALHung. veröffentlicht. Auf Grund der Kritik von T. Lehtisalo (FUF XXXII Anz. 1956) ist eine Auffassung auch in die neueste Literatur hineingekommen, wonach Sprogis' Manuskript den Dialekt von Bolšaja Zemlja vertritt. Auf Grund der von dem Verfasser des Manuskripts stammenden Information, unterliegt es keinem Zweifel, daß das Manuskript die Angaben der gesprochenen Sprache eines Kaniner Ehepaares enthält. Die Verfasserin beweist, daß die in der Kritik bezweifelte lautlichen Kriterien auch in dem Kaniner Material von Lehtisalo vorhanden sind. Sie stellt die wichtigsten Charakterzüge des Kanin-Dialektes fest und erklärt, daß das Kaniner Material von Budenz und Sprogis auch in der Zukunft als Grundlage und Anweisung zum Studium des auch in sprachgeschichtlicher Hinsicht sehr wichtigen Kanin-Dialektes dienen wird.